

УДК 340

**ПЕРВЫЕ УГОЛОВНЫЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКСЫ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И «УДАРНЫЕ» ЗАДАЧИ ПО ИХ
РЕАЛИЗАЦИИ****Упоров Иван Владимирович**

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

В середине 2022 г. исполнилось 100 лет двум важнейшим правовым актам в сфере противодействия преступности в советском государстве – УК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1922 г. В связи с этой круглой датой представлена краткая характеристика кодексов и показаны проблемы их реализации, в том числе проанализированы основные положения статьи на эту тему сотрудника Народного комиссариата юстиции А. Лунина, опубликованной по свежим законодательным событиям того времени.

Ключевые слова: кодекс, советское государство, революционное право, социологическое учение, законность.

**FIRST CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE CODES OF THE SOVIET
STATE AND "SHOCK" TASKS FOR THEIR IMPLEMENTATION****Ivan V. Uporov**

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

In the middle of 2022, two of the most important legal acts in the field of combating crime in the Soviet state, the Criminal Code of the RSFSR of 1922 and the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922, turned 100 years old. In connection with this round date, a brief description of the codes is presented and the problems of their implementation are shown, reflected in one of the articles of the employee of the People's Commissariat of Justice A. Lunin, published on the latest legislative events of that time.

Keywords: code, Soviet state, revolutionary law, sociological doctrine, legality.

В 1922 г., несмотря на сложнейшее военно-политическое положение в РСФСР (последствия революционного кризиса, Гражданская война и др.), советская власть сумела добиться кодификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства нового социалистического государства - были приняты УК РСФСР [1] и УПК РСФСР [2]. Разумеется, это было сделано не одномоментно, предварительно шли активные дискуссии, разрабатывались проекты. Эти два закона стали основными в сфере противодействия преступности в новом советском государстве, что, собственно, имеет место уже длительное время практически во всех странах. Оба кодекса были приняты почти в одно и то же время - в середине 1922 г., то есть имела место вполне объяснимая синхронизация данных фундаментальных правовых актов.

Следует заметить, что в содержательной части УК РСФСР и УПК РСФСР существенно, можно даже сказать кардинально, различались с точки зрения преемственности прежнего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, используемого еще в Российской империи. Так, УПК РСФСР, как отмечается в литературе А.Н. Калюжным и В.Н. Чаплыгиной, построен на единой платформе с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., соответственно не содержит каких-либо принципиально новых идей, и прежде всего в области предварительного следствия, например, в обоих случаях следователь организационно принадлежал судебному ведомству [3, с. 156] (это отмечают и другие авторы [4; 5]). А И.В. Маслов, ссылаясь на «многих процессуалистов», и вовсе считает, что советский УПК РСФСР являлся «бледной тенью» царского Устава уголовного судопроизводства [6, с. 31]. Как нам представляется, такого рода оценки вполне объяснимы. Дело в том, что в течение нескольких веков, начиная, очевидно, с первых систематизированных уголовно-процессуальных законов (XV-XVI вв.), были выработаны типичные процессуальные нормы о расследовании и судебном рассмотрении дел о совершаемых преступлениях, которые схожи во всех странах. Такое положение, в свою очередь, обуславливается вполне определенной логикой: чтобы привлечь виновного в совершении общественно опасного деяния, нужно его разыскать, задержать, выяснить все обстоятельства, предъявить обвинение, предать суду, вынести приговор и т.д., и эта логика - универсальна для сообществ в разных странах (разумеется, при определенной специфике).

Вместе с тем в УПК РСФСР имелись новеллы, отражавшие специфику госаппарата советской власти. Так, предусматривались народные следователи при Советах народных судей и революционных трибуналах, военные следователи и следователи по важнейшим делам при НКЮ; весь следственный аппарат сосредоточивался в системе органов юстиции, а в уголовном розыске он упразднялся. Одновременно была расширена компетенция органов дознания. Если за следователями закреплялось производство предварительного расследования по 60 составам преступлений, то за органами дознания - по 89 составам [7, с. 55].

Указанная выше логика имела место и в уголовном праве (например, всегда и везде убийство карается наказанием), однако в этой сфере история показывает самые разные подходы (например, длительное время использовались телесные наказания, потом их отменили, смертная казнь в XX в. во многих странах также отменена и т.д.). В нашем случае советская власть концептуально и принципиально отвергла уголовное законодательство Российской империи, поставив во главу угла политико-идеологические мотивы. Так, в уголовно-правовой сфере предполагалось, что после свержения эксплуататорского класса буржуазии и построения государства трудящихся будут ликвидированы условия совершения теми же трудящимися преступлений. Соответственно не будет необходимости в жестких уголовных законах.

Эта концепция имела теоретическое обоснование, и речь в данном случае идет прежде всего о Программе Российской компартии (в редакции 1919 г.), где указывалось, что в новом социалистическом государстве система уголовных наказаний должна быть «окончательно заменена системой мер воспитательного характера» [8, с. 47-48], а в будущем, при коммунизме, сознательность трудящихся не позволит им совершать преступления. И уже в декабре 1919 г. НКЮ принял Руководящие начала по уголовному праву [9], где указывалось, в частности, что «только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов ... пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства» [9] и т.д.), и заканчивая вполне конкретными нормативными предписаниями, например: «обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его» [9].

Однако при разработке в дальнейшем проекта первого УК РСФСР столь радикальные тезисы уже исключались, и острые дискуссии касались более конкретных вопросов, и прежде по поводу всего целей уголовного наказания в условиях строительства нового общества, учитывая, что эти цели нужно было дифференцировать применительно к представителями класса трудящихся и представителям класса эксплуататоров. В итоге цели наказания в ст. 8 были определены следующим образом: «а) общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений» [1]. В уголовно-правовой истории России на высшем законодательном уровне это было сделано впервые, что являлось заметным шагом вперед. При этом на содержание уголовного закона серьезное влияние оказало социологическое учение о наказании [10], то есть, когда при определении меры наказания предписывалось учитывать прежде всего степень общественной опасности и характер преступника, и только после этого - характер и степень общественной опасности совершенного им преступления (классическая и другие теории наказания для социалистического права оказались приемлемой в меньшей степени [11, с. 235]).

Нужно также отметить, что, нормы, определявшие принципы и меры назначения наказания, имели в целом достаточно гуманный характер. Например, максимальный срок наказания в виде лишения свободы составлял 10 лет, что резко контрастировало как с отечественным Уголовным уложением 1903 г., так и уголовном правом других стран. А смертная казнь как исключительная мера наказания законодателем даже не включалась в перечень видов уголовного наказания и регулировалась отдельно. При этом, однако, нельзя не отметить и меры негуманного характера - так, в отношении несовершеннолетних, не обнаруживших достаточного исправления к концу отбытия ими назначенного судом срока наказания в местах лишения свободы, суд мог продлить срок до исправления; конечно, нельзя назвать гуманными также нормы об использовании принципа аналогии, обратной силы закона.

Указанные подходы при формировании УК РСФСР и УПК РСФСР видны и по характеру изложения правового материала. Так, в уголовном законе имеется политико-идеологическая риторика, и ее немало, в частности, в ст. 6 дается классовое определение преступления: «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [1]; содержатся и другие «политические» выражения («...совершено ли

преступление в интересах восстановления власти буржуазии...», «...установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка...» и др.). Но в уголовно-процессуальном законе – сугубо деловой стиль с первой до последней статьи (например, ни разу не использованы термины «трудящиеся», «буржуазия», «пролетариат» и др.).

После принятия уголовного и уголовно-процессуальных законов встал вопрос об их реализации, и этому аспекту советская власть уделяла значительное внимание, учитывая, что, например, по УПК РСФСР вводился институт прокуратуры. В докладе на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции Д. И. Курский, руководитель тогда НКЮ, принимавший самое активное участие в формировании нового советского «пролетарского права», в том числе в разработке и сопровождении проектов УК РСФСР и УПК РСФСР по инстанциям, вплоть до ВЦИК, где принимались окончательные решения, отмечал, что нужно «не только говорить о революционной законности, но и проводить ее в жизнь» [12, с. 163]. Он же пытался проводить в жизнь концепцию минимизации внесудебной репрессии (известны его непростые отношения с ВЧК, ГПУ).

На этот счет интерес представляет статья сотрудника НКЮ А. Лунина «Две ударные задачи» [13, с. 4-5], опубликованная в связи с принятием рассматриваемых законов и введением их в действие (с 1 июня 1922 г. – УК РСФСР, с 1 июля 1922 г. – УПК РСФСР). Указанный автор в начале статьи сразу же определяет эти две задачи, которые должны быть поставлены перед НКЮ: «1) подготовка к работе по Кодексам непосредственных проводителей в жизнь Кодексов: народных судей, следователей, прокуроров, и 2) исправление недочетов пенитенциарной системы, в частности, организация принудительных работ без лишения свободы» [13, с. 4]; указанный вид уголовного наказания выделен автором, вероятно, потому, что ранее он не применялся в Советской Республике, не было аналога и в дореволюционной России. Автор подчеркивает, что обе задачи одинаково важны и одинаково актуальны с точки зрения быстрейшего их исполнения, поскольку «без хорошего усвоения кодексов судебными работниками, без пенитенциарной системы, отвечающей кодексу, - кодексы останутся на бумаге» [13, с. 4].

В этой связи делается ссылка на упомянутый выше IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции, где шла речь о необходимости организовать в губерниях двухмесячные курсы с обязательным прохождением их каждым судебным работником, но тяжелое материальное положение органов юстиции не дало возможности осуществить это предложение. Соответственно еще более «ударной» становится перед судебными работниками задача по подготовке деятельности органов юстиции во всей стране по новому закону – «время не ждет, и под лежащий камень вода не течет». И далее автор отмечает, что «буржуазное окружение и рожденная им адвокатура находит простой рецепт для выхода из создавшегося положения: посадить в суды спецов, которые легко справятся со всей казуистикой кодексов и в два счета восстановят "революционную законность". Наш рецепт другой. Суд по своему составу должен быть пролетарским. Судьи должны, поняв важность задач, приложить все силы к одолению их. Исполкомы и парткомы должны выдвигать на должность судей квалифицированных по своему стажу товарищей. Судебные работники немедленно должны приступить к детальному изучению кодексов. Совнарсуды, трибуналы, отделы юстиции не медля ни минуты, должны организовать под руководством опытных работников систематические кружковые занятия судей и следователей по изучению кодексов. В течение 2-х недель кодексы должны быть усвоены. Должны быть созданы специальные комиссии, задача которых - руководить и следить за этой работой. По окончании занятий комиссия по проведению в жизнь кодекса должна проверить, насколько хорошо судьи и следователи усвоили кодекс. В дальнейшем вновь избираемый судья может быть допущен к исполнению обязанностей лишь после, по крайней мере, месячного стажа,

в течение которого он обязан усвоить кодекс. Эта работа должна быть проведена в ударном порядке» [13, с. 4].

Предложенные сроки «усвоения» кодексов были явно завышенными, поскольку и в народные судьи, и в следователи должны были выдвигаться прежде всего представители трудящихся, которые, не имея надлежащей юридической подготовки, не могли в столь короткие сроки овладеть сложным правовым материалом, поэтому в реальности обучение осуществлялось в процессе практической деятельности следователей и судов; но сама задача, исходя и складывавшейся обстановки, по сути своей была поставлена правильно, поскольку, как замечает автор, речь идет о соблюдении о «проведение в жизнь начал революционной законности».

Что касается второй «ударной задачи», то отмечается, что она – не менее важна, при этом делается ссылка на Уголовное уложение 1903 г., которое не было проведено в жизнь полностью из-за того, что пенитенциарные учреждения, предусмотренные Уложением, не были в необходимой мере созданы и оборудованы. И здесь автор акцентирует внимание на таком виде уголовного наказания, как принудительные работы без лишения свободы, отмечая, в частности, что из 193 статей особенной части УК РСФСР 82 статьи содержат эту санкцию, а 53 статьи закрепляют перевод на принудительные работы без содержания под стражей, как вид условно-досрочного освобождения. А. Лунин напоминает, что это наказание вводится впервые и является революционным завоеванием, так как более, чем другие отвечает карательной политике пролетарского суда. Однако на практике оно пока почти повсеместно не выполнимо, в том числе в Москве, так как осужденные не могут быть использованы в виду отсутствия спроса на рабочую силу; и получается, что осужденные, с одной стороны, являются конкурентами безработных, а с другой – фактически наказания не несут, являясь лишь для очередной регистрации в бюро принудительных работ; не лучше дело обстоит в уездах (заметим, что эта проблема, возникшая в условиях НЭП, актуальна и для современной России).

И далее предлагается решение этой проблемы: бюро принудительных работ без лишения свободы, ответственные за их реализацию на местах, должны быть немедленно реорганизованы в соответствии с требованиями жизни и карательной политики суда. А именно принудительные работы должны носить преимущественно характер общественных массовых работ, и в городах и деревнях таких работ может быть найдено много – «да искать-то не надо. Надо уметь их организовать. Опыт субботников у нас богатый. Пусть не каждый день, а хоть 3 раза в неделю, осужденные привлекаются на работу» [12, с. 5]. По поводу оплаты труда осужденным к этому наказанию автор полагает, что осужденный за причиненный преступлением вред должен быть поражен, пусть частично, в этом праве – праве получать оплату за свой труд, и особенно это касается осужденных «из класса народившейся буржуазии» [13, с. 5]. В таком ключе НКЮ должен переработать Положение о бюро принудработ. Но и эта задача в условиях тогдашней реальности оказалась невыполнимой.

Изложенное показывает, с какими трудностями приходилось сталкиваться советской власти в реализации первых кодифицированных актов в сфере противодействия преступности – УК РСФСР и УПК РСФСР. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что данные законы действовали недолго – уже в 1923г. был принят новый УПК РСФСР а в 1926 г. – новый УК РСФСР (по сути это были новые редакции рассмотренных актов 1922 г., однако в литературе сложилось понимание не новой редакции прежних актов, а новых законов). В дальнейшем в уголовный и уголовно-процессуальный акты вносилось много изменений, и относительная стабилизация соответствующих правовых отношений наступила лишь во второй половине 1930-х гг.

Список литературы:

1. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р." (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
2. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 г. "Об Уголовно-Процессуальном Кодексе" (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
3. Калужный А.Н., Чаплыгина В.Н. Сравнительный анализ моделей предварительного расследования по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. И по УПК РСФСР 1922 г. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 155-161.
4. Леонов А.И., Ситников К.А. Эволюция уголовно-процессуального статуса следователя в российском государстве // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 33-39.
5. Рябченко А.Г., Петросян С.Н. Регулирование дознавательных полномочий полиции на начальной стадии расследования преступлений в российской империи в период конца XVIII - начала XIX вв. // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 26-30.
6. Маслов И.В. Процессуальная форма дознания и предварительного следствия по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. // Уголовное судопроизводство. 2007. № 4. С. 31.
7. Халиуллина Л.Г. Реформа института предварительного расследования в России (период 1917 - 1924 гг.) // Российской следователь. 2015. N 3. С. 55.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. Т. 2. 1917-1922. М.: Политиздат, 1983. 606 с.
9. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (приняты постановлением НКЮ от 12.12.1919 г.) // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.) / Под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 57-60.
10. Окунева М. О. Влияние социологической школы на кодификацию советского уголовного законодательства в период с 1917 по 1922 г. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 4. С. 115-125.
11. Максимова О.Д. Роль Д. И. Курского в формировании идей советского права и в законотворчестве // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 225-236.
12. Курский, Д. И. Избранные статьи и речи / Отв. ред. И. Т. Голяков. М., 1958. 330 с.
13. Лунин А. Две ударные задачи // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 19-20. С. 4-5.

References:

1. Resolution of the Central Executive Committee of 01.06.1922 "On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R." (together with the "Criminal Code of the R.S.F.S.R.") // SU RSFSR. 1922. No. 15. St. 153.
2. Resolution of the Central Executive Committee of 25.05.1922 "On the Criminal Procedure Code" (together with the "Criminal Procedure Code of the RSFSR. F.S.R.") // SU RSFSR. 1922. No. 20-21. St. 230.

3. Kalyuzhny A.N., Chaplygina V.N.. Comparative analysis of models of preliminary investigation according to the Statute of Criminal Proceedings of the Russian Empire in 1864 And according to the Code of Criminal Procedure of the RSFSR of 1922 // Actual problems of Russian law. 2015. No. 1 (50). pp. 155-161.
4. Leonov A.I., Sitnikov K.A. Evolution of the criminal procedural status of an investigator in the Russian state // Society and Law. 2021. No. 1 (75). pp. 33-39.
5. Ryabchenko A.G., Petrosyan S.N. Regulation of the investigative powers of the police at the initial stage of investigating crimes in the Russian Empire during the late XVIII - early XIX centuries. // Society and Law. 2011. No. 4 (36). pp. 26-30.
6. Maslov I.V. Procedural form of inquiry and preliminary investigation according to the Statute of criminal proceedings of the Russian Empire in 1864 // Criminal proceedings. 2007. No. 4. p. 31.
7. Khaliullina L.G. Reform of the institute of preliminary investigation in Russia (period 1917 - 1924) // Russian investigator. 2015. N 3. p. 55.
8. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee / Under the general editorship of A.G. Egorov, K.M. Bogolyubov. T. 2. 1917-1922. M.: Politizdat, 1983. 606 p
9. Guidelines on criminal law of the RSFSR (adopted by the resolution of the NKYU of 12.12.1919 G.) // Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR (1917-1952)/ Edited by I.T. Golyakova. M., 1953. pp. 57-60.
10. Okuneva M. O. The influence of the sociological school on the codification of Soviet criminal legislation in the period from 1917 to 1922 // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2016. No. 4. pp. 115-125.
11. Maksimova O.D. The role of D. I. Kursky in the formation of ideas of Soviet law and in lawmaking // Pravovedenie. 2014. No. 4 (315). pp. 225-236.
12. Kursky, D. I. Selected articles and speeches / Ed. by I. T. Golyakov. M., 1958. 330 p.
13. Lunin A. Two shock tasks // Weekly of Soviet Justice. 1922. No. 19-20. pp. 4-5.